

УДК 17.023.32

Концепт семьи в логике трансформаций дихотомии «публичное - частное»

Ю.В.МАКЕШИНА

Днепропетровский институт физической культуры и спорта, г. Днепропетровск, Украина,
E-mail: makeshina@i.ua**Авторское резюме**

В статье подчеркивается, что ценностно-иерархическое мышление в основе которого лежат бинарные оппозиции («публичное/частное», «культура/природа» и т.п.), неразрывно связано с теми гендерными трансформациями, которые происходят в обществе постмодерна, в целом, и с концептом семьи, в частности. В гендерных исследованиях относительно представлений, в которых ещё сохраняется деление на мужские и женские жизненные сферы, критика нацелена против формирования таких оппозиций. Более того, сама действительность постмодерного общества с его социальными, политическими и экономическими трансформациями размывает четкость оппозиции «публичное-частное». Семья, как утверждается, не более «природна», чем государство, представляя другой порядок требований для деятельности акторов и агентов культуры. Анализ проблем традиционной иерархии общественного устройства, который фокусируют своё внимание на горизонтальной интеграции, указывает на изменения, которые происходят в сфере родительства, а также влияет на процессы трансформации современной семьи.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, публичное/частное, сфера семьи, гендерные роли, либеральные теории, ценности материнства.

The concept of the family in the transformations of the dichotomy «public – private»

YU.V.MAKESHINA

Dnepropetrovsk institute of physical culture and sports, Dnepropetrovska, Ukraine
E-mail: makeshina@i.ua**Abstract**

The emphasis of this article is on the gender problem of the hierarchy thinking in the terms of the binary oppositions («public - private», «culture-nature», etc.) and its connection with the concept of family in the postmodern world of transformations. In gender studies with respect to representations, in which still exists the division into male and female spheres of life, the criticism directed against the formation of such oppositions. Moreover, the very reality of postmodern society and its social, political and economic transformation blurs the clarity of the opposition «public - private». The family is claimed to be no more «natural», than state, the difference is in the different order of demands for the actors and agents of culture and politics. Analysis of the problems of the traditional hierarchy of social organization, which are focused on horizontal integration to changes that occur in spheres of parenting, and influences on the process of modern family's transformation.

Key words: binary oppositions, public/private, family sphere, gender roles, liberal theories, values of maternity.

Постановка проблемы. Теоретики гендера, следуя за философами-феминистами, главную цель своих атак, нацеленных на достижение гендерного паритета, видели – и видят – в разрушении ценностно-иерархического мышления, неразрывно связанного с нормативным дуализмом. Под ценностно-иерархическим мышлением исследователи гендера понимают

тенденцию философов упорядочить различия в соответствии с некоей иерархической схемой. К. Уоррен называет это «логикой доминирования» - стремлением оправдать подчиненное положение «менее значимой» группы по отношению к «более значимой» - доминирующей [1, с.7].

Как известно, классическая метафизика

© Ю.В.Макешина, 2013

создала целый ряд взаимоисключающих друг друга дуальностей, так называемых бинарных оппозиций: дух – тело, разум – чувства, культура – природа, рациональное – иррациональное, публичное – частное, субъект – объект: мужчина – женщина. Среди подобных дихотомий одно из самых важных мест занимает оппозиция «публичное/ частное» и связанная с ней дуальность «культура – природа» («воспитание/ природа»). Различия между публичным и частным, как доказывают ученые-феминисты, играют ключевую роль в политической теории феминизма и гендерных исследований. Более того, данная дихотомия сыграла существенную роль в либеральной теории, где термин «частный» («private») используется применительно к тем сферам социальной жизни, вторжение в свободу которых требует специальных аргументов, в то время как термин «публичный» («public») применим к сферам, рассматриваемым в качестве более доступных сфер в целом [3, с.921].

С другой стороны, в гендерных исследованиях последних десятилетий утверждается, что в организации системы «пол – гендер» исполнение материнских функций женщиной является центральной и определяющей характеристикой социальной организации гендера и лежит в основе мужского доминирования. Мать с детьми образуют ядро семейной структуры: семейные связи основаны на частных отношениях между людьми; считается, что эти связи естественны и биологически заданы. Семья становится «местом пребывания» женщины вследствие ее обязанностей по уходу за детьми. Преимущественное «местопребывание» мужчины – в публичной сфере; при этом социальные институты получают статус согласно нормативным, общественным, а не биологическим критериям. Поэтому принято считать, что публичная, а не частная сфера формирует общество и культуру. Таким образом, функция женщины в семье, ее гендерная роль матери и «хранительницы домашнего очага» создают основу для структурной дифференциации на семейную и приватную сферы. Публичная сфера доминирует над приватной сферой, и поэтому мужчина подчиняет женщину [2, с.27-28].

Анализ исследований и публикаций. Тема гендера, в целом, и тема материнства, в частности, находясь в междисциплинарном поле исследований последних десятилетий, охватывает проблемы психологии и психоанализа (Н. Чодороу, Т. Бенедек, С. Бем, Г. Уилер), социологии (Т. Парсонс, Р. Шэфер, М. Розальдо и др.), философии (Т. Чантер, С.М. Оукин, Р. Брайдотти, Л. Николсон, Н. Фрейзер), политической теории (В. Брайсон, К. Пейтман, С. Кэрролл, Л. Зерилли), литературной критики (Э. Шоултер, С. Гилберт, С. Губар, Э. Жарден, Дж. Стэнли, С. Вольф), истории (Дж. В. Скотт,

П. Дейчер, М. Шенли, Дж. Ландес, Р. Коннелл), лингвистики (Д. Таннен, О. Есперсон, А. Повелс, Э. Сапир и др.).

Изложение основного материала. Изучению материнства как социокультурного феномена, имеющего гендерные черты и особенности, посвящены многие работы западных теоретиков гендера. С начала 70-х годов XX в. исследовательницы-феминистки успешно анализируют с позицией деконструктивизма классические философские тексты, интерпретируя такие важные категории, как равенство, справедливость, публичное, приватное и т.д. В то же время, хотя массив научных публикаций по данной проблематике постоянно растет, обсуждению феномена материнства в русле философских и политических проблем в украинской науке уделяется мало внимания. Возможно, это связано с тем, что концепт Берегини, возникший в 90-х гг. как часть новой украинской мифологии, довольно скоро превратился в неотъемлемую составляющую официального национально-государственного дискурса. Этот процесс характеризуется активным использованием образа Берегини как концепта непреходящего матриархатного характера гендерных отношений в традиционной украинской семье в риторике политических лидеров с активными интенциями включения нарратива о Берегине в новый национальный метанарратив [5, с.157].

В западной феминистской мысли проблема материнства, как правило, связана с проблемами патриархатного господства, например, экономического господства мужчин: женщины не могут достичь полной экономической независимости и равенства на рабочих местах, если от них ждут выполнения работы по дому, и этот труд не оплачивается. Подчеркивается, что женщин не воспринимают всерьез на рынке труда в рамках культуры, где они считаются в первую очередь сексуальными объектами или «хранительницами очага». К. Миллет доказывает, что основным институтом патриархата является семья [10]; ее последовательницы радикального толка продолжают: семья отнюдь не представляет собой «естественное устройство», опирающееся на взаимную любовь и уважение; семья – это общественный институт, в котором эксплуатируется женский труд. Следует заметить, что многие ранние феминистки радикального направления также считали всю домашнюю работу, включая уход за детьми, не приносящей удовлетворения, а ссоры по поводу того, кто будет стирать, не отдельными разговорами, но частью более широкой борьбы за власть. При этом многие видели решение не просто в упразднении патриархатного разделения труда в семье, но в отмене самой семьи [6, с.206]. К. Делфи доказывает, что брак – это трудовой контракт, посредством которого мужчина эксплуатирует женский труд и экономи-

чески становится хозяином женщины. Делфи утверждает, что по-настоящему материалистическая теория угнетения женщин показывает, что оно не просто произошло из классовой борьбы и капитализма, но у него есть независимая материальная основа в женском неоплачиваемом труде [11].

Для некоторых других исследователей гендера более важным является то, что патриархат базируется на мужском насилии и контроле над женской сексуальностью (например, С. Файерстоун и др.).

Для К. Миллет главное значение семьи состоит в том, что она является фактором социализации, первым общественным институтом, в котором дети познают ценности общества. Именно в семье мальчики и девочки сталкиваются с патриархатной властью и разделением труда по половому признаку; следуя стереотипным предписаниям культуры, они получают свои гендерные роли и статусы [10]. Под влиянием теперь уже классического труда Н. Чодороу «Воспроизведение материнства» многие ученые пересмотрели психоанализ Фрейда с тем, чтобы показать: гендерная принадлежность человека складывается еще в до-эдиповой фазе.

Труды К. Смит-Розенберг, К. Джиллиган, Н. Чодороу повлекли за собой большое количество работ по философии, социальной истории, психологии, где утверждались «ценности материнства» (кормление, забота, ненасилие, постоянная включенность в связи с окружающими людьми) и звучали призывы построить общество на этих основах. Литературоведы феминистского толка использовали эти метафоры идеализированного материнства для поиска сильных материнских линий в истории литературы (Э. Уокер и др.). В резком противостоянии с эдиповой поэтикой агрессии и соперничества (П. Блум) американские феминистки предложили «женскую поэтику взаимосвязи», основанную на связи дочери с матерью, причем конфликт поколений сменяется у женщин доверительностью, великодушием, преемственностью (Дж. Лидофф, Дж. К. Гардинер и др.).

Отмечается, что именно здесь женская эстетика, размывая границы и прославляя гетерогенность и различия, полностью «соглашается» с постмодернизмом.

Дихотомия «публичное – частное» и проблема семьи в теориях постмодерна.

Поскольку, по утверждению М. Фуко, власть не является направленной «сверху вниз» монолитной силой, как полагали марксисты, и ее действие ощущается всюду, то и сопротивление возможно из множественных источников. Как только было установлено, что феминизм должен противостоять своим собственным расовым, классовым и гетеросексуальным предубеждениям, стало совер-

шенно очевидно, что центральные категории феминистской теории – наряду с практиками – должны постоянно подвергаться тщательному анализу и пересмотру. Проблема осложняется тем, что некоторые вопросы феминистской повестки дня остаются в какой-то мере «невидимыми» для исследователей гендера. Презентуя свою теорию в качестве нейтральной по отношению к расовым и классовым вопросам, ученые – феминисты пересмотрели гендер, сообщив ему императивные качества и способности завершить переход женщин из частной в публичную сферу. Отмечается, что, почеркнув необходимость женщин выйти из частной, домашней сферы в публичную маскулидную область общественной жизни, исследователи гендера вновь имплицитно обозначили себя как представляющих «белых гетеросексуальных женщин среднего класса». Подобный подход, например, не включает тех женщин, которые работают в «частной сфере», но не в своих собственных домах, а в хозяйствах «привилегированных» женщин. Таким образом, домашний труд поддается расовой и классовой «обработке» способами, невидимыми для феминистского анализа. Проблема в том, что область частной жизни изначально политизирована расовым и классовым делением. Маркируя частную сферу как фемининную, а публичную – в качестве маскулинной, феминизм продолжает воспроизводить гегелианские политические теории, имплицитно рисуя прежний портрет идеальной женщины – белой, буржуазной, гетеросексуальной. Подобные доводы и аргументы исследователей гендера делают отношение к домашней сфере и домашнему укладу женщин «многоуровневым» и значительно более сложным, чем простое уравнение фемининности и приватной области домашней жизни.

Как уже отмечалось выше, поставив на повестку дня новую категорию анализа – гендер, ученые-феминисты подняли вопросы о различиях между сферами публичного и частного. В прошлом многие политические теоретики с уверенностью заявляли, что эти сферы разделены и функционируют в соответствии с различными принципами. Но проблема в том, что и «постсовременные» теоретики продолжают игнорировать семью, разделение труда в ней и связанную с этим экономическую зависимость женщин [7].

О том, что семья рассматривается как «неполитическая структура», ясно свидетельствует тот факт, что она, как правило, обсуждается в исследованиях политической теории; о семье как о категории, в целом, не говорится много в науке. К немногочисленным исключениям относятся гендерные теоретические дискуссии, четко сфокусированные на дихотомии «публичное – частное» как на оппозиции «маскулинное – фемининное». С. Оукин тонко замечает по

этому поводу: «Факт, что люди рождаются беспомощными младенцами, а не самостоятельно действующими лицами, как они фигурируют в политических теориях, маскируется с помощью невысказанного вслух представления о гендерных семьях, действующих за пределами политических теорий. В значительной степени современная теория, подобно прежней теории, – это теория о мужчинах, у которых жены находятся дома» [3, с.925-926].

По мнению ученых, частично проблема заключается в том, что политические теоретики представляют семью и место женщины в ней как обусловленные самой природой. Политологи-бихевиористы и сегодня рассматривают семью как монолитную единицу, где мужчина является главой и доминирующим политическим представителем. Политическое поведение мужчин является нормой, по которой оценивается политическое поведение женщин, и оно по-прежнему считается «несуществующим» [7, с.882].

Но дело в том, что за прошедшие два десятилетия формирования рыночных отношений и в России, и в Украине произошли существенные перемены противоречивого характера. В нашей стране, как и во всех западных странах, возникает и все больше укрепляется постсовременная модель семьи, которая отличается эгалитарными семейными отношениями. В современной социологии подобный тип семьи определяется как модель социального либерализма: она формируется на базе развития рыночных отношений и личной независимости каждого из супругов. В первую очередь, это касается изменения в положении женщины, стремящейся иметь устойчивый экономический суверенитет. В современных условиях женщина, осознающая высокий риск разводов, осторожно подходит к выбору супруга, стремясь прежде всего получить образование и квалификацию, востребованную на рынке труда.

Вместе с тем новым тенденциям развития противостоят гендерные стереотипы, в основе которых лежат давно устоявшиеся патриархальные представления о ролевых функциях мужчины и женщины, дополняемые принципиально важными особенностями черт «женственности» и «мужественности», вытекающими из биологических конструкций.

Гендерные стереотипы как определенные стереотипы восприятия людей и межличностных отношений, стереотипы конструирования идеала с точки зрения принадлежности к определенному полу пронизывают всю культуру, накладывая мощный отпечаток на стиль мышления, методы принятия решения, общественные устройства, государственные институты [8]. Известно, что конструкция гендера как процесс движения от биологического к социальному представляет собой обучение, приня-

тие роли, овладение поведенческими действиями, которые усваиваются как соответствующие определенному гендерному статусу, что признается и современными сторонниками «биологического» подхода. Последние, например, утверждая, что «половая» дифференциация мозга определяет склонности поведения индивида как мужчины или женщины, все же признают, что если материнский инстинкт у женщин имеет нейробиологическую природу, то забота о потомстве у мужчин – результат воспитания в семье, кроме того, это в значительной степени обусловлено морально-этическими нормами общества [9, с.76].

В целом, биодетерминизм не сдает свои позиции, по-прежнему привлекая в союзники классический психоанализ Фрейда, поскольку именно Фрейду удалось научно обосновать, а в действительности создать популярнейший миф постклассической культуры. В основе этого мифа лежит утверждение факта биосоциальной непригодности женщины к «неприродной» для нее деятельности в сфере культуротворчества, следовательно, наивысшего взлета в самореализации женщина может достичь только в сфере материнства и сопряженной с ней сфере воспитания детей.

Несомненно, гендерные стереотипы связаны с экзистенциальной идентичностью женщины. Это, как представляется, важно в связи с тем, что некоторые роли считаются естественными, природными, и потому возникает вопрос: что абсолютно природно, а что произвольно природно? Например, беременность естественна, и здесь не может быть кросс-культурных вариаций, но проблема в том, что тогда приобретает также валидность мнение, что «естественно» женщины должны воспитывать детей, вести домашнее хозяйство, поддерживать «эго» своих мужей и т.п.

То есть, представляются ли определенные роли естественными или же они в некотором смысле искусственны, является культурным артефактом. Безусловно, вынашивание детей есть часть того, что рассматривается как сердцевина (физиологическая, психологическая, социологическая) объективности природных функций, ассоциируемых с фемининностью, но западное общество уже не ограничивается этой ключевой сущностью в определении того, что природно. И даже ключевые границы этого понятия не являются уже объективно очевидными, как показывают события последних десятилетий (гомосексуальные семьи с воспитанием детей, суррогатные матери и т.д.) [8, с.14-15].

Также важно, что социально-экономические трансформации последних десятилетий усилили тенденции социального либерализма, что, например, ослабило ограничения, связанные с возможностью развода, который раньше не поощрялся ни обществом, ни государством.

Расширилась практика совместного проживания без оформления брака и откладывания рождения детей. Совместное проживание партнеров до заключения брака стало формой близких отношений, позволяющих получить личную независимость. Возможность контролировать свою фертильность позволяет женщинам с большей уверенностью планировать и организовывать свою жизнь. До недавнего времени не подвергался сомнению стереотип о материнстве как о «естественном» предназначении женщины. В середине 70-х годов в Западной Европе и США появляется термин «ассертивная женщина» (assertive woman), начинают разрабатываться теории андрогинной личности, возникают новые мифы (например, миф о суперженщине). Безусловно, все это (и многое другое) размывает границы гендерной оппозиции «публичное-частное», но лишь частично. К примеру, по-прежнему сильны представления и мифы о слишком эмоциональной женщине, о неуверенной женщине, о женщине – рабочей лошади, о непрофессиональной женщине и т.д. И все же традиционный взгляд, что место женщины – в ее доме, базировавшийся на убеждении о природной неспособности женщин принимать участие в публичной или политической сфере, уже не представляется столь убедительным, каким он был еще несколько десятилетий назад.

Выводы. Таким образом, мы полагаем, что вопрос о значении семьи и места в ней женщины лежит не в плоскости гендерных стереотипов и бинарных оппозиций, а в понимании ее роли в построении как общественной, так и личной конструкции действительности, того смысла, который вкладывается в различия между мужчинами и женщинами в существующих социокультурных репрезентациях. В то же время очень важным остается понимание

того, что интерпретационная история различения полов сама является частью социального конструирования реальности.

Причину подчиненности женщин, их более низкого статуса как в обществе, так и в семье мы, вслед за теоретиками гендера, видим в самой постановке оппозиций «публичное-частное», «культура-природа» и т.д. Поскольку репродуктивная деятельность женщин относится к менее почетной приватной сфере, в то время как продуктивная деятельность возможна лишь в общественной сфере, можно понять, почему статус женщины в любой культуре – несмотря на культуральные различия – всегда является менее значимым.

Отмеживаясь от представлений, в которых еще сохраняется деление на мужские и женские жизненные сферы, гендерная критика направлена против формирования таких оппозиций. Более того, сама действительность постмодерного общества с его социальными, политическими и экономическими трансформациями размывает четкость оппозиции «публичное-частное». Важно также, что семья в целом рассматривается уже под другим углом: она не более природна, чем государство, но представляет другой порядок требований для деятельности акторов и агентов культуры. В отличие от традиционной иерархии общественного устройства современные гендерные теории социальной дифференциации фокусируют свое внимание на горизонтальной интеграции, из чего следует, что поскольку все функциональные сферы одинаково необходимы в жизнедеятельности социальной системы, они социально равны и являются равно участвующими агентами в социальном порядке. Самоочевиден тот факт, что данный подход меняет соответствующие гендерные стереотипы, базирующиеся на бинарной оппозиции «публичное – частное».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Женщины, познание и реальность: Исследование по феминистской философии : учебное пособие [для вузов] [Текст] / М.: РОССПЭН, 2005. – 440 с.
2. Власова Т.И., Скиба Э.К. Гендер и феминистская теория в философии постмодерна : монография [Текст] / Т.И. Власова, Э.К. Скиба. – Дн-ск: Изд-во Маковецкий, 2011. – 124 с.
3. Оукин С.М. Гендер: публичное и приватное [Текст] / С.М. Оукин // Гендерная реконструкция политических систем. – СПб: Алетейя, 2004. – С. 920-945.
4. Чодороу Н. Воспроизводство материнства [Текст] / Н. Чодороу. – М.: РОССПЭН, 2006. – 496 с.
5. Кись О.Б. Проблемы (ре)конструкции истории женщин в Украине: акторы, авторы, нарративы [Текст] / О. Б. Кись // Гендерное равноправие в России. – СПб: Алетейя, 2008. – С. 155-162.
6. Брайсон В. Политическая теория феминизма [Текст] / В. Брайсон. - М.: Идея-пресс, 2001. – 304с.
7. Кэрролл С., Зерилли Л. М. Феминистские вызовы политической науке [Текст] / С. Кэрролл, Л. М. Зерилли // Гендерная реконструкция. – СПб: Алетейя, 2004. – С. 877-919.
8. Власова Т.И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии : монография [Текст] / Т.И. Власова. – К.: Генеза, 2006. – 296 с.
9. Баева Е. Мужчина и женщина: два полюса в кадровом менеджменте [Текст] / Е. Баева // Персонал. – 2006. – № 9. - С.74-78.
10. Millett K. Sexual Politics. – N.Y.: Ballantine Books, 1980. 543 p.
11. Delphy C. Close to Home. A Materialistic Analysis of Women's Oppression. N.Y.: Not avail, 1984. 237p.

Статья поступила в редакцию 25.10.2013

REFERENCES:

1. Zhenschinyi, poznanie i realnost: Issledovanie po feministской filosofii : uchebnoe posobie [dlya vuzov] (Women , knowledge and reality : A study in feminist philosophy : Tutorial [for universities]). M.: ROSSPEN, 2005. 440p.
2. Vlasova T.I., Skiba E.K. Gender i feministская teoriya v filosofii postmoderna : monografiya (Gender and feminist theory in postmodern philosophy : Monograph). D.: *Izd-vo Makovetskiy*, 2011. 124p.
3. Oukin S.M. Gender: publichnoe i privatnoe (Gender : public and private). *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem*. SPb: *Aleteyya*, 2004. P.920-945.
4. Chodorou N. Vosproizvodstvo materinstva (Reproduction of motherhood). M.: ROSSPEN, 2006. 496 p.
5. Kis O.B. Problemy (re)konstruktsii istorii zhenschin v Ukraine: aktoryi, avtoryi, narrativyi (Problem (re) construction of women's history in Ukraine: actors , authors, narratives). *Gendernoe ravnopravie v Rossii*. SPb: *Aleteyya*, 2008. P. 155-162.
6. Brayson V. Politicheskaya teoriya feminizma (Political Theory of Feminism). M.: *Ideya-press*, 2001. 304p.
7. Kerroll S., Zerilli L. M. Feministskie vyizovy politicheskoy nauke (Feminist political science calls). **Gendernaya rekonstruktsiya**. SPb: *Aleteyya*, 2004. P.877-919.
8. Vlasova T.I. Formirovanie gendernyih stereotipov v zapadnoevropeyskoy filosofii: monografiya (Formation of gender stereotypes in Western philosophy: Monograph). K.: *Geneza*, 2006. 296p.
9. Baeva E. Muzhchina i zhenschina: dva polyusa v kadrovom menedzhmente (Male and female: two poles in personnel management). *Personal*. 2006. № 9. P.74-78.
10. Millett K. Sexual Politics. N.Y.: Ballantine Books, 1980. 543p.
11. Delphy C. Close to Home. A Materialistic Analysis of Women's Oppression. N.Y.: Not avail, 1984. 237p.

Макешина Юлия Викторовна – старший преподаватель
Днепропетровский институт физической культуры и спорта
Адрес: 49094, г. Днепропетровск, ул. Набережная Победы, 10
E-mail: makeshina@i.ua

Makeshina Yuliya Viktorovna – senior lecturer
Dnepropetrovsk institute of physical culture and sports
Address: 10, Nab.Pobedy Str., Dnepropetrovsk, 49094
E-mail: makeshina@i.ua